

А. Алфиматовъ.

СТРАНА РАЗДОРА.

Балканскія впечатлѣнія.

Изданіе И. В. Райской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.

1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ автора.	Стр
Въ Македонской глуши	I
Салоники	43
За Шаромъ	85
На славянской Адриатикѣ.	123
Повелитель правовѣрныхъ	177
Петко Каравеловъ	201
<i>Приложеніе А.</i> Данныя славянскаго разселенія.	
<i>Приложеніе Б.</i> Замѣчанія о македонскомъ освободи- тельномъ движеніи	233
<i>Приложеніе В.</i> Почтовый скандалъ.	247

ОТЪ АВТОРА.

Въ февралѣ 1901 года, когда изъ Македоніи начали приходить особенно обостренныя корреспонденціи въ славянскую, русскую и европейскую печать, я, по собственному почину, поѣхалъ въ этотъ малоизвѣстный край. Хотѣлось мнѣ самому, лично, опредѣлиться, по мѣрѣ силъ, въ смыслѣ и возможныхъ размѣрахъ македонскаго освободительнаго движенія. Ибо, въ указанное время, нѣкоторая часть русской и славянской печати уже обнаружила яркую тенденцію тянуть Европу къ вмѣшательству въ македонскія дѣла,—читай: толкать Россію въ новый крестовый походъ на турокъ за свободу македонцевъ. Крестовые походы съ освободительными задачами—прекрасное дѣло, но и подвиги высшаго благородства подчиняются процессу вызрѣванія до надлежащей современности. Вотъ и любопытно было посмотреть: правда ли, что македонскія неурядицы дошли до точки, за которою имъ остается одно роковое разрѣшеніе—сперва геройское, но безсильное освободительное возстаніе, потомъ—европейское вмѣшательство, читай: русскій крестовый походъ. Любопытство усугублялось тѣмъ соображеніемъ, что намъ, русскимъ, крестовые походы сейчасъ врядъ ли удобны и желательны; притомъ, за спиною у насъ стоитъ недавній и мало поощрительный опытъ,

въ которомъ, цѣною несчетно пролитой русской крови и разсыпанной казны, былъ приобрѣтенъ, мало благотѣльный для славянства и совсѣмъ не лестный для русскаго національнаго чувства, Берлинскій трактатъ. Народная мудрость гласить, что, обжегшись на молокѣ, будешь дуть и на воду. Именно съ этимъ нравоученіемъ въ памяти, я и совершалъ свою македонскую поѣздку.

Вкратцѣ, результаты просмотра могутъ быть выражены слѣдующими положеніями:

1. Живется христіанамъ въ Македоніи очень худо, хотя лучше, чѣмъ въ Старой Сербіи, гдѣ быть христіанина, подъ гнетомъ албанцевъ, — адъ безправія.

2. Такъ же худо, какъ македонцамъ, живется христіанамъ и въ другихъ вилайетахъ Турціи.

3. Слѣдовательно, политическій вопросъ долженъ ставиться не: дозвоительно ли оставлять турокъ безчинствовать въ Македоніи, но: дозвоительно ли, вообще, оставлять подъ мусульманскою властью какихъ-либо подданныхъ христіанъ?

---

4. Всякія реформы, за порукою Турціи, всегда будутъ политическимъ обманомъ съ ея стороны и самообманомъ для Европы.

---

5. Коренное населеніе Македоніи представляетъ собою неопредѣленную народность, о которой съ увѣренностью можно сказать только то, что она несомнѣнно и чисто славянская.

6. Сербы считаютъ эту народность сербскою; болгары — болгарскою.

7. Притязанія тѣхъ и другихъ равно неосновательны по смыслу національных претензій и равно основательны по силѣ культурнаго и политическаго

воздѣйствія: подѣ влияніемъ той или другой пропаганды, македонецъ съ равною легкостью, вырабатываетъ себя какъ въ болгарина, такъ и въ серба.

8. Въ настоящее время въ Македоніи торжествуютъ культура и политика болгарскія; сербами Македонія утрачена, повидимому, безнадежно. Македонія, посуленная болгарамъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, необходима имъ органически и, благодаря ихъ для нея жертвамъ и талантливой агитаціи, она, въ концѣ концовъ, ихъ и будетъ.

9. Распря между сербами и болгарами за Македонію весьма остра, и зрѣлище ея весьма отвратительно.

---

10. Экономическое положеніе македонскаго крестьянина (1901 г.) не удручаетъ русскаго глаза: крестьянство русское и болгарское въ княжествѣ бѣднѣе македонскаго.

---

11. Дай Богъ македонцамъ самимъ или черезъ болгаръ получить свободу, но не дай Богъ, чтобы заплатить за нее пришлось русскому мужику.

Въ Болгаріи, въ виду моей давней болгарофильской репутаціи, ожидали, что я отнесусь къ «македонской каузѣ» съ большимъ энтузіазмомъ. Поэтому, взгляды мои были встрѣчены болгарскою политическою прессою, — въ особенности, тою частью ея, которая зоветъ себя руссофильскою, — очень гнѣвно. Поѣздкою 1901 года, — для меня третьею въ Балканскія земли, — я потерялъ семилѣтнюю болгарскую дружбу. Меня обвиняли: одни, что я подкуп-

лень: другіе, что я сердить, зачѣмъ меня не подкупили; третьи, что я пишу по указкѣ русскаго посла въ Константинополь, И. А. Зиновьева; четвертые, что я боленъ сербофильствомъ. Въ то же время, сербскіе журналы выставяли меня русскимъ органомъ болгаро-македонскихъ освободительныхъ комитетовъ.

О всѣхъ этихъ обвиненіяхъ считаю необходимымъ предупредить читателя. А затѣмъ, читая, пусть судить о моихъ мнѣніяхъ и словахъ, какъ ему покажется.

Въ настоящей книгѣ, извлеченной изъ статей 1901 года, я остался на тѣхъ же точкахъ зрѣнія, но исключилъ большую часть писаннаго о перводѣятельности болгарскихъ комитетовъ. Не потому, чтобы перемѣнилъ мнѣніе объ ихъ недостаткахъ, но потому, что сейчасъ многіе члены ихъ дерутся и умираютъ на поляхъ сраженій, за свободу славянскаго края, — пошли имъ Богъ удачу и всякое добро! — а ошибки ихъ оставимъ считать исторіи.

Минусинскъ.

1902.

XI. 11.

Р. S. Къ набросаннымъ выше строкамъ, писаннымъ въ ноябрѣ 1902 года, я, корректируя книгу въ апрѣлѣ 1903-го, долженъ прибавить, что многое въ ней успѣло съ тѣхъ поръ оправдать себя дѣйствительнымъ ходомъ событій и показаніями европейскихъ журналистовъ, посѣтившихъ край послѣ меня. Случилось уже многое, въ чемъ мнѣ не вѣрили, какъ Кассандрѣ. Такъ, — и это главное, — центръ тяжести вопроса о турецкихъ звѣрствахъ перемѣстился изъ Македоніи въ Старую Сербію. Къ сожалѣнію, когда я составлялъ эту книгу, у

меня не было полного собранія моихъ корреспонденцій. Въ теченіе 1901-го года я неоднократно повторялъ, что ближайшимъ и очень скорымъ шагомъ балканской неурядицы будетъ убійство русскаго консула. Безвременно угасшая молодая жизнь Г. С. Щербины — печальная точка къ этому предсказанію. Я ошибся только въ имени, потому что думалъ, что убьютъ Машкова: митровицкаго консульства тогда еще не было, а на ускубскомъ консулѣ, В. Θ. Машковѣ, сосредоточивались и албанскія, и болгарскія ненависти. Многое, недоговоренное въ этомъ выпускѣ «Балканскихъ Впечатлѣній», я надѣюсь досказать въ слѣдующихъ формируемыхъ по болѣе полному матеріалу. Тамъ же читатель найдетъ нѣсколько страницъ изъ первыхъ моихъ путешествій по Балканскому полуострову, когда такъ молодо жилось и такъ весело странствовалось.

А. В. А.

Вологда.
1903. IV. 28.

I.

Можно удивляться, почему Македонія привлекаетъ къ себѣ мало путешественниковъ и описателей. Смуты, постоянно въ ней царящія, тому не объясненіе. Волка бояться—въ лѣсъ не ходить, и—какой же туристъ, садясь въ вагонъ, съ намѣреніемъ унести за тридцать земель въ тридцатое царство, не мечтаетъ испытать на ряду съ впечатлѣніями пріятными, ласкающими, нѣсколько и такихъ, чтобы жутко стало, чтобы двѣ-три минуты трястись отъ страха или, наоборотъ, имѣть случай проявить рѣдкое присутствіе духа предъ лицомъ опасности? Если Кукъ—этотъ всемірный желѣзнодорожно-пароходный паукъ и патронъ туристовъ—находилъ охотниковъ путешествовать по полямъ битвъ Трансвааля, страшно далекимъ и открыто опаснымъ,—то на Македонію-то, до которой, сравнительно съ Трансваалемъ, рукой подать,—казалось бы,—какъ не отыскаться любителямъ сильныхъ ощущеній. Однако, ихъ нѣтъ. Поѣзда снуютъ по македонскимъ желѣзнымъ дорогамъ съ пустыми вагонами перваго класса, тогда какъ второй и третій классы всегда биткомъ полны пассажирами мѣстнаго движенія.

Изъ Константинополя на Салоники поѣздъ, снабженный спальными вагонами, ходитъ три раза въ недѣлю, отправляясь вечеромъ, въ девятомъ часу. Уставъ смотрѣть въ сумерки древней византійской столицы,—потому что, хотя онѣ и историческія, но все же сумерки, и темнымъ вечеромъ всѣ кошки сѣры, и всѣ пейзажи одинаковы,—вы ложитесь спать; а просыпаетесь—въ Дедеагачъ, на берегу голубого

моря, съ силуэтомъ таинственнаго Самоѳракійскаго острова на горизонтѣ. За Дедеагачемъ вамъ уже будетъ не до сна. Во-первыхъ, потому что изъ спальнаго вагона васъ переводятъ въ весьма посредственное купѣ турецкаго устройства, или, правильнѣе будетъ сказать, неустройства. Во-вторыхъ, поѣздъ, повернувъ къ сѣверу, мчится прямо на мраморныя стѣны южныхъ Родопскихъ горъ и Тартыкъ-Дага, врѣзывается въ нихъ у Гюмюльджины, и затѣмъ вся оставшаяся дорога, — покуда не падутъ сумерки, — является, справа и слѣва, рядъ очаровательнѣйшихъ картинъ, какими только можетъ подарить путника могучая горная природа. Берега рѣки Кара-су, — ея теченію долго, до станціи Букъ, слѣдуетъ путь, — на мой взглядъ, не менѣе, а мѣстами, пожалуй, даже болѣе живописны, чѣмъ берега Арагвы, съ которыми одного характера здѣшній горный пейзажъ. Впрочемъ, быть-можетъ, такому выгодному впечатлѣнію не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что я засталъ Кара-су въ половодье. Она величественно заполняла собою ущелья, разливаясь озерами въ долинахъ, и глазъ не утомлялся необозримыми пространствами каменистаго, обмелѣвшаго и высохшаго русла, такъ досадно надоедающаго въ рѣчныхъ пейзажахъ Кавказа, Италіи, Греціи и т. д.

Только пройдя и своими глазами видѣвъ югъ Македоніи, вы можете въ полной мѣрѣ понять, почему за край этотъ съ такимъ ожесточеніемъ спорять и борются столько народностей, каждая объявляя его своимъ. Вѣдь это же — садъ, сплошной садъ! Вы мчитесь чрезъ рощи дикихъ маслинъ, вызеленившихъ горы до самыхъ маковокъ. Кровавыя купы цвѣтущихъ айвы, миндаля, персика, бѣлыя осыпныя черешни, груши, яблоки, желтыя, бѣлыя, лиловыя акаціи пестрѣютъ вокругъ cadaго селенія на много верстъ вокругъ, а зачастую внезапно являются дикорастущими въ лѣсахъ по горнымъ скатамъ. Куда вы ни взглянете, всюду цвѣтутъ деревья и обѣщаютъ богатый плодъ.

Недаромъ македонцы сльвуть первыми садовниками по всему Балканскому полуострову и, въ качествѣ этомъ, ходятъ на заработки даже въ Румынію и Грецію. Какія огромныя площади тщательно распаханнаго чернозема! Какіе выгоны! Сколько влаги въ долинахъ! По свѣжимъ, юнымъ зеленымъ ходятъ, важно кивая длинными шеями, чернохвостые аисты... сперва вамъ кажется, что ихъ — десятки, потомъ вы убѣждаетесь, что низко взяли — надо считать эту умную птицу, ближайшаго друга южнаго человека, сотнями, и, наконецъ, машете рукою и на сотенный счетъ: тысячи ихъ тутъ, тучи, тьмы темъ.

— Вы увидите, что Македонія — рай, — говорилъ мнѣ въ Константинополѣ болгарскій дипломатъ. — А присутствовавшій при разговорѣ англичанинъ возразилъ:

— Рай-то рай, только населенный чертями.

— Да, къ несчастію, эти проклятые негодяи-турки... — началъ было болгаринъ. Но англичанинъ безцеремонно перебилъ его:

— Всѣ тамъ хороши.

Внѣшній видъ южной Македоніи весьма мало говорить объ угнетеніяхъ и страданіяхъ. Крестьяне не кажутся забитыми, одежда ихъ пестра и богата, вокругъ селъ пасется много стадъ, повсемѣстно слышенъ славянскій говоръ, о которомъ ученые слависты давно спорятъ и филологически, и политически, — поскольку онъ болгарскій, поскольку сербскій. Болгарскія села въ княжествѣ куда грязнѣе и бѣднѣе. О нашихъ я и не говорю. Увы! мы, спасители народовъ, никогда не умѣли помѣстить свой рабочій и земледѣльческій трудъ даже и въ вполонину менѣе прістойныя условія быта, чѣмъ живутъ наши спасаемые. Когда пылкій вопль Гладстона зажегъ Европу сочувствіемъ къ болгарамъ, и наши отцы, дяди, старшіе братья понесли свои буйныя головы за болгарскую свободу подъ турецкій обухъ на окопы Плевны, на гору св. Николая, — мы знаемъ, какое удивленіе, близкое къ разочарованію, по-

стигало участниковъ этого крестоваго похода, по прибытіи ихъ въ угнетенную Болгарію. Ждали видѣть людей нагихъ и босыхъ, безъ крова, безъ пищи, разоренныя села, вытоптанныя поля, цѣпи, трупы, эшафоты. Вмѣсто того, видѣли тучныя пажити, виноградники, долины розъ и богатаго мужика-скопидома, который волкомъ смотрѣлъ на освободителей и дралъ съ нихъ втридорога за каждую курицу, за каждый стаканъ вина, за каждый кусокъ хлѣба.

До сихъ поръ не рѣдкость слышать въ военномъ обществѣ, когда офицеры русско-турецкой войны вспоминаютъ свое пребываніе за Дунаемъ:

— Помилуйте! да намъ иной разъ прямо за себя неловко становилось: мы, безсапожные, нищіе, съ командами, набранными по голоднымъ недоимочнымъ деревнямъ, пришли спасать отъ угнетенія страну, гдѣ самый бѣдный мужикъ богаче самаго богатаго нашего міроѣда. И земли у нихъ много, и культура земли несравненно выше нашей, и порядокъ хозяйства земельного настолько устроенъ, что— не успѣла кончиться война — какъ знаменитѣйшій народникъ русскій, Глѣбъ Успенскій, уже кололъ глаза русскому земельному пестроенію болгарскимъ благоустройствомъ.

Сейчасъ Болгарія уже неспособна возбудить въ новомъ чловѣкѣ недоумѣнія такого рода. Время, когда въ Болгаріи «запасшися крестьянинъ хлѣбомъ, ѣлъ добры щи и пиво пилъ», осталось позади. Рядъ неурожаевъ, тяжелые налоги, филоксера разорили болгарскаго мужика. Легче ему, конечно, чѣмъ русской сермягѣ-освободительницѣ, а все же куда не легко. Сейчасъ болгарскій мужикъ видитъ мясо дважды въ годъ, а обычную пищу его составляетъ круглый хлѣбъ, въ которомъ, съ макушки, продолжать дырку, въ дырку натопчуть краснаго перца,—вотъ и весь обѣдъ. Въ рабочее время,—вмѣсто былого вина,—пьютъ воду, закрашенную нѣсколькими каплями уксуса. Не жирно! завидовать нечему!

Вообразимъ себѣ, — оно, кстати, и очень легко, — что македонская революція болгарскими усиліями вспыхнула, и маленькому княжеству болгарскому пришлось вести свою армію на помощь македонцамъ черезъ Родопы, какъ нѣкогда намъ пришлось отправлять свою армію на помощь болгарамъ черезъ Дунай. И тогда валила освобождать славянъ, какъ выразился генераль Драгомировъ, «святая сѣрая скотина», и теперь, значить, она же повалить. И думается мнѣ, что, ввалившись подъ штыками въ озерныя долины Монастира или на заливные луга по Вардару, «святая сѣрая скотина» болгарская будетъ удивлена македонцами не меньше, чѣмъ «святая сѣрая скотина» русская удивлялась въ 1877 году болгарамъ. Потому что скрини одного македонскаго болгарина достаточно, чтобы сдѣлать зажиточными три болгарскихъ мужицкихъ семьи изъ княжества. Потому что македонская крестьянка носить на плечахъ самодѣльный костюмъ, стоящій, безъ украшеній, шестьдесятъ-восемьдесятъ франковъ, и такихъ костюмовъ у нея не менѣе пяти-шести, а у болѣе зажиточныхъ и, слѣдовательно, болѣе располагающихъ свободнымъ временемъ для рукодѣлія, ихъ бываетъ за дюжину. У дѣвушки въ Ускюбѣ, которая согласилась продать мнѣ одинъ изъ своихъ приборовъ, ихъ оказалось восемнадцать! Продають неохотно, трудно найти продажную «кошулю», — такимъ образомъ, у каждой бабы въ скринѣ уже виситъ мертвый капиталъ, не ищущій себѣ ни приложенія ни движенія. Желалъ бы я видѣть въ Россіи крестьянку, которая могла бы похвастаться, что у нея въ клѣтѣ одежды на 400-1,000 франковъ, т. е. на 150-350 рублей! И замѣтите: это только одежда, шитая шерстью. На праздникахъ Святой Недѣли, посѣщая македонскія села, я поражаюсь монастами, дѣпочками и пр., какихъ понавѣшивали на себя мѣстныя красавицы, — всё безъ исключенія. О такихъ убранствахъ мы, современное русское поколѣніе, знаемъ лишь преданія изъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Ди-

каньки», изъ повѣстей Квитка Основьяненка, да, пожалуй, изъ эффектныхъ прикрасъ, которыми наполнилъ Печерскій свои описанія раскольниковъ Поволжья. Для насъ это — дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины столь глубокой, что въ нее даже и не вѣрится: да неужто же, молъ, было когда-нибудь и могло быть нѣчто подобное? Цѣпь въ три ряда тяжелыхъ меджидіе на груди, двѣ цѣпи меджидіе отъ косъ къ рукавамъ... это — не украшенія, серебряныя вериги какія-то!

Дико прозвучать эти слова, по мусульманское правленіе *въ одномъ отношеніи* для здѣшняго мужика выгоднѣе, чѣмъ всякое другое. Это странно, парадоксально, однако — это такъ. А именно: христіане въ Турціи не подлежатъ воинской повинности и, слѣдовательно, сохраняютъ дома всѣ молодые рабочія руки, что отзывается на интенсивности труда самымъ благопріятнымъ образомъ. А трудиться есть надъ чѣмъ. То крѣпостное состояніе, въ которомъ искони находилась раія въ турецкихъ владѣніяхъ, сейчасъ умираетъ, если не юридическимъ путемъ, то фактическимъ, чрезъ экономическую эволюцію. Крѣпостная работа, барщина въ Македоніи имѣетъ исполный характеръ. Но турки — спаги, беги — плохіе хозяева, не охотники до деревни, а македонцы — чудные работники, трезвые, умѣлые держаться за копейку скопидомы. Поэтому въ огромномъ количествѣ македонскихъ «чифтликъ» уже повторяется та же самая исторія о помѣщикѣ Пантелѣевѣ и крестьянинѣ Федосѣевѣ, что насмѣшливо проиѣлъ въ Россіи шестидесятыхъ годовъ Н. А. Некрасовъ:

По улицамъ столицы
Пантелѣевъ ходитъ голъ,
А дворянскія землицы
Федосѣевъ приобрѣлъ...

Турецкое рыцарство, или юнкерство, тянется къ широкой жизни въ большихъ городахъ. Ему нужны не земли, а деньги, и аренда или покупка чифтликъ крестьянскими обще-

ствами у промотавшихся беевъ все чаще и чаще находить себѣ примѣненіе въ македонскихъ вилайетахъ. А обиліе рабочихъ рукъ даетъ возможность и дешевой обработки благопріобрѣтеннаго. Дороговизна труда и непосильная сельскому хозяйству высота заработной платы въ современной Болгаріи—лучшее свидѣтельство того, какъ разрушаютъ мужицкую экономію постоянная армія и воинская повинность, ее регулярно пополняющая. Болгарія сейчасъ вся живетъ въ свою армію, а деревня тощаетъ, вянетъ, гибнетъ.

Что касается земельного обложенія, то пресловутый «десятокъ», десятинная подать натурою, которою обязаны христіанскія хозяйства турецкому правительству, тяжело не столько размѣрами своими: свободное населеніе Болгаріи и Сербіи платитъ государству больше,—сколько безобразнымъ откупнымъ способомъ взиманія, дающимъ поводъ къ массѣ злоупотребленій, насилій и т. п. Податныя урядицы сдѣлали для болгарина отвратительнымъ самое слово «десятокъ»: извѣстно, какія ужасныя сцены чуть не поголовнаго сопротивленія встрѣтила въ народѣ проба княжескаго правительства возобновить взиманіе «десятка». Въ 1901 г. партія Каравелова, чтобы выиграть выборную кампанію, должна была дать клятвенное обѣщаніе, что, если она станетъ у власти, «десятокъ» будетъ отмѣненъ. Между тѣмъ, для многихъ наблюдателей болгарской экономической жизни, съ которыми мнѣ приходилось говорить, фактическій вредъ «десятка» остается еще подъ большимъ сомнѣніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Болгаріи взиманіе подати, вмѣсто денегъ, натурою было положительно удобнѣе и выгоднѣе для крестьянъ. Однако, и въ этихъ мѣстностяхъ крестьянство встало противъ «десятка», заодно съ тѣми полосами сѣверной и восточной Болгаріи, которыя терпѣли отъ него дѣйствительный вредъ. Такъ въ этомъ случаѣ экономическій мотивъ былъ побѣжденъ психологическимъ — тяжкимъ воспоминаніемъ о взиманіи

«десятка» въ турецкое время, съ неурядицами и вымогательствами откупничества, опирающагося на вооруженную силу администраціи и военныхъ гарнизоновъ.

Что откупная система «десятка» тяжела крестьянамъ Македоніи, турки знаютъ хорошо, да и имъ самимъ она невыгодна. Въ Битолійскомъ округѣ они неоднократно предлагали крестьянскимъ обществамъ брать откупъ «десятка» на себя, по круговой раскладкѣ, что было бы для мужиковъ, конечно, большимъ облегченіемъ, гарантируя ихъ отъ произвола чужака-откупщика, приобретающаго право взиманія съ публичныхъ торговъ. Однако—боязнь ли подвоха со стороны турокъ, просто ли упорный природный консерватизмъ, робость предъ новшествомъ и неохота тронуть завѣтную кубышку—удержали битолійскихъ крестьянъ принять этотъ призывъ власти, хотя согласіе и сочувствіе къ предложенной мѣрѣ рекомендовали населенію даже и иностранные консулы.

II.

Македонскія горести — порожденія причинъ болѣе отвлеченнаго порядка, чѣмъ тяжелая погоня за невѣрнымъ кускомъ хлѣба, на дурной и дурно обрабатываемой почвѣ, въ борьбѣ съ недостатками которой и съ нестачею въ которой проводить весь свой вѣкъ русскій мужикъ. Враги Македоніи—разноплеменность, разновѣрность, христіанская взаимоненависть и дурная турецкая администрація полувоеннаго, полу-полицейскаго характера, строящая все свое благополучіе именно на сказанной взаимовненависти. Бѣда Македоніи въ томъ, что народъ ея живетъ не въ себя самого, ни даже въ грубое турецкое правительство, сѣдлающее его шею, но представляетъ собою какой-то спорный притравной кусокъ, пожрать который стремятся шесть или семь народностей, рассчитывающихъ воскресить

свою національную самобытность за счет гибкой этнографіи и шаткой исторіи македонцевъ. И, пока турки, греки, болгары, сербы, албанцы, куцовлахи спорятъ, изъ-за лакомага македонскаго куска цѣликомъ или сварятся изъ-за частей его, время бѣжить, и кусокъ гніеть, разлагается, теряя мало-по-малу и свою красоту, и свою цѣнность...

Если оставить безъ вниманія узкую—едва въ нѣсколько верстъ шириною—береговую полосу по Эгейскому морю, съ Святогорскимъ полуостровомъ включительно, гдѣ живутъ греки, то остальную Македонію надо считать населенною, какъ основнымъ и исконнымъ элементомъ, народностями славянскими и, какъ пришлымъ и чуждымъ, хотя и давнимъ,—народностями турецкою (османлисы и потурченныя ими славянскія же племена), пелазгическою (албанцы-арнауты) и смѣшанною романо-славянскою (куцовлахи). Изъ счета этого я совершенно исключаю юго-западную часть Македоніи, за рѣкою Быстрицею, гдѣ живутъ сплошь чистокровные греки. Исключаю потому, что на эту часть Македоніи ни одно славянское государство—ни болгары, ни сербы—никогда и не заявляли никакихъ претензій: она инстинктивно тяготеетъ къ одноплеменному и пограничному ей королевству эллинскому и, рано или поздно, когда ударить часъ раздѣла Македоніи, конечно, естественно и безпрекословно съ нимъ сольется.

Развитіе націонализма выдѣлило изъ пестраго населенія Македоніи, съ особенною яркостью, группы болгарскую и сербскую, а начинать выдѣлять—быстро и энергично растущую группу албанскую и несравненно менѣе значительную, гораздо болѣе спокойную и покуда совершенно не революціонную группу румынскую или куцовлашскую. Какъ съ дѣйствительными матеріалами возможной противотурецкой революціи, сейчасъ должно считаться лишь съ болгарами, сербами и съ тою промежуточною славянскою расою, которую считают своею и сербы и болгары, и которую мнѣ въ Бѣлградѣ министръ

народнаго просвѣщенія, г. Маринковичъ, остроумно опредѣлить, какъ «Ur-Slaven», «первобытные Дарвиновы славяне». Греки, равно какъ и фанатически преданное патріархату большинство осѣдлыхъ купцовлаховъ, могутъ быть разсматриваемы скорѣе, какъ начала вѣрнопопданнически-охранительныя. Что касается албанцевъ, это—нація въ броженіи, странно полная зародышей единовременно и анархіи и военно-аристократическаго деспотизма, равно опасная и для хрисіатнъ, для османлисовъ, и—даже для себя самой.

Сербское вліяніе сказывается на первобытномъ македонскомъ славянинѣ ярче въ сѣверныхъ областяхъ Македоніи, въ скоплійской Црнѣ-Горѣ, къ югу отъ Шаръ-Планины, раздѣляющей Старую Сербію отъ Македоніи. По картамъ Буэ и Макензи сербы живутъ въ Македоніи лишь на среднемъ теченіи рѣки Черный Дримъ, у Дибра. Лежанъ, кромѣ этого посела, намѣтилъ сербскія пятна вокругъ озера Прѣспы у Битоля, у Прилѣпа, на верхнемъ теченіи Вардара. Кипертъ и болгарскіе этнографы Кынчевъ и Офейковъ, равно какъ и старикъ Шафарикъ, не даютъ сербамъ вовсе мѣста въ Македоніи. Въ послѣднее время болгарская теорія въ македонской этнографіи встрѣтила сильную поддержку, такъ какъ на сторону ея стали русскіе ученые Милюковъ и Башмаковъ, а нѣсколько ранѣе извѣстный бельгійскій публицистъ Эмилъ де-Лавелэ, который самъ, однако, въ Македоніи не былъ. Отрицаніе сербскаго элемента въ Македоніи — сейчасъ болгарскій національно-государственный догматъ. Равнымъ образомъ, сербскіе изслѣдователи столь же категорически отрицаютъ наличность въ Македоніи чисто-болгарскаго элемента. Изъ лицъ, авторитетно ихъ поддерживавшихъ въ отрицаніи этомъ, болѣе другихъ замѣчательнъ, бывший много лѣтъ русскимъ консуломъ въ Салоникахъ, г. Ястребовъ. Вообще, надо сказать, что всѣ русскіе консулы, съ которыми я познакомился въ своемъ путешествіи по Македоніи, весьма

В. О. Машковъ,
русскій консулъ въ Ускюбѣ.

скептически относятся къ исключительнымъ претензіямъ и сербовъ и болгаръ на мѣстное этнографическое первоправіе. Такъ, напр., г. Ростковскій, битолійскій консулъ, въ трудѣ своемъ, обрабатывающемъ статистическія данныя этого округа, даже не рѣшился употребить терминны «сербъ», «болгаринъ», а придерживается, на турецкій манеръ, дѣленія по вѣроисповѣданіямъ, — онъ пишетъ просто: славяне-патріархисты, славяне-экзархисты, славяне-мусульмане. Когда я, будучи въ Битоліи, спросилъ г. Ростковского, почему онъ держится такой осторожной классификаціи, онъ съ полною откровенностью отвѣтилъ, что, несмотря на свое семилѣтнее пребываніе въ Битоліи, полное постояннаго общенія съ мѣстными славянами, онъ до сихъ поръ не рѣшается опредѣлить, гдѣ въ послѣднихъ проведена граница между болгаринѣмъ и сербомъ. Предположеніе, стать на сторону котораго позволяю себѣ и я — то-есть, что основной македонско-славянской элементъ есть ни болгарскій ни сербскій, а лишь болгаризованный или посербленный — также высказано г. Ростковскимъ въ предисловіи къ его статистической работѣ. Ту же гипотезу слышалъ я и отъ г. Н. А. Илларионова, консула въ Салоникахъ, тридцать лѣтъ изучающаго Балканскій полуостровъ. Нарочно умалчиваю о мнѣніи ускубскаго консула В. Ѳ. Машкова, такъ какъ оно для болгаръ — мертвая точка: они слышать не хотятъ имени Машкова, почитая его кровнымъ своимъ врагомъ и предвзятымъ сербофиломъ. (См. въ концѣ книгѣ *Приложеніе А*).

Разсматривая македонцевъ, какъ матеріалъ для будущей національно-государственной единицы, сомнительнымъ въ пользу ихъ показаніемъ являются, конечно, не вѣщныя этнографическія сужденія, кто они — болгары или сербы, а прежде всего то, что они сами этого не знаютъ, что они — народъ безъ сознанія національности. Въ округахъ битолійскомъ, салоникскомъ, ускубскомъ вы найдете тысячи людей, которые на вѣку своемъ побывали и греками, и

болгарами, и сербами. Вы найдете семьи, гдѣ одинъ братъ говоритъ: «азъ бугаринъ съмъ» — а другой «я србинъ». Вы найдете славянъ, объявляющихъ себя греками, но не понимающихъ по-эллински даже «эвхаристо», «киріе», «паракало» и т. п., это такъ-называемые греки-болгарофоны. Вы найдете поповъ, которые служатъ обѣдню по-болгарски, а жены ихъ плачутся, что всѣмъ бы хорошъ былъ для нихъ экзархатъ, да вотъ бѣда—въ болгарскомъ-то языкѣ онѣ смыслятъ почти такъ же мало, какъ въ греческомъ.

По національному характеру, македонцевъ можно называть малороссамъ Балканскаго полуострова. Промежуточное положеніе Македоніи между Болгаріей и Сербіей, если хотите, можно также сравнить съ положеніемъ Украины XVII вѣка между Польшею и Москвою, — съ тою разницею, что за Украину боролась православная Москва съ католическою Польшею, а здѣсь борьба осложнена еще единствомъ православнаго исповѣданія въ обонхъ тяжущихся государствахъ. Ибо, хотя вселенская церковь и признаетъ экзархатъ схизмоу, но въ обществѣ взглядъ этотъ не отражается серьезнымъ раздѣленіемъ славянъ - патріаршистовъ отъ славянъ-экзархистовъ на почвѣ религіозной. Раздѣленіе обостряется лишь, когда въ сферу его вносятся начала національно-политическія. Вообразимъ себѣ, что, застрѣвшихъ между Русью и Польшею, украинцевъ поляки стали бы дрессировать не насильственною, суровою латинскою ферулою, но дали бы имъ возможность культуры, согласной съ православными традиціями, взглядами, чувствами. Конечно, тогда не было бы ни Острицы, ни Наливайки, ни Хмельницкаго, и малороссы, съ нарѣчіемъ ихъ, представляющимъ шагъ отъ русскаго языка въ сторону польскаго, были бы колонизированы польскою церковью, школою и администраціею съ такою же легкостью, какъ теперь руссифицировали ихъ русская церковь, школа и администрація. То же самое и съ Македоніею. Ея крестьянство—ни болгары ни

сербы, а промежуточный славянский народъ, который съ равною легкостью можетъ превратиться и въ сербовъ и въ болгаръ,—глядя по тому, чья школьная, церковная и политическая пропаганда возьметъ въ краѣ верхъ. Попадетъ Македонія подъ вліяніе болгаръ — будетъ болгарскою. Попадетъ въ распоряженіе сербовъ — будетъ сербскою. Всякій славянский народъ можетъ ее привести къ своему знаменателю. Сербы сейчасъ оплошали — опоздали съ пропагандою противъ болгаръ. Ну, а эти — надо отдать имъ полную справедливость — не изъ зѣвающихъ. Они завоевали Македонію такъ смѣло, ловко и быстро, что бѣднымъ сербамъ остается лишь глазами хлопать, слушая, какъ вчерашніе ихъ единомышленники и одноплеменники вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаютъ говорить пресловутое:

— Бугаринъ съмъ! — съ такою увѣренностью и гордостью, точно произносятъ они по меньшей мѣрѣ:

— *Cives romani sumus.*

За сравненіе македонцевъ съ украинцами болгарская печать трунила надо мною: вотъ де — Амфитеатровъ уже хохловъ въ Македоніи нашелъ!.. Хохловъ не хохловъ, а нѣчто въ родѣ хохловъ, только на балканскій ладъ. Ни полякъ ни великороссъ, безъ навыка, не могутъ ни понимать малороссійскую рѣчь, ни быть понятыми въ Малороссіи. То же самое и съ болгарами и сербами въ Македоніи.

Я не филологъ, и разобраться въ тонкостяхъ славянскихъ нарѣчій — задача не для меня. Но различить, говорятъ ли люди по-сербски, или по-болгарски, или на третьемъ языкѣ — ни сербскомъ ни болгарскомъ, но славянскомъ и близкомъ имъ обоемъ, — для этого не надо быть филологомъ, а просто надо имѣть уши, дабы слышать, и хотѣть слышать. Македонцы говорятъ ни на болгарскомъ языкѣ ни на сербскомъ, — они говорятъ на среднемъ нарѣчій, которое въ иныхъ мѣстностяхъ ближе къ болгарскому языку, въ иныхъ — къ сербскому. Такъ какъ близость македонскаго нарѣчія къ сербскому языку болгары объясняютъ

вліяніемъ сербской пропаганды, а близость къ болгарскому языку сербы точно такъ же объясняютъ вліяніемъ пропаганды болгарской, то я думаю, что оба правы, т. е. и сербы и болгары. Мы имѣемъ дѣло съ первобытною славянскою расою, податливою вліянію болѣе развитыхъ, славянскихъ же, народовъ.

Въ обществѣ сербскаго консула въ Ускюбѣ, г. Куртовича, я посѣтилъ нѣсколько деревень, населенныхъ македонцами, которые признають себя сербами: они патріаршисты, восхваляютъ въ пѣсняхъ короля Александра и т. д. Г. Куртовичъ говорилъ съ ними по-сербски, но я ясно слышалъ, что ему приходится ломать языкъ, приспособляя его къ нарѣчію своихъ собесѣдниковъ, и что къ отвѣтамъ ихъ онъ прислушивается съ вниманіемъ чужака — именно, какъ мы, москвичи и петербуржцы, должны прислушиваться, чтобы понять, когда намъ быстро и не стѣсняясь начинаетъ говорить что-либо полтавецъ или черниговецъ. Обратно, что касается болгарскаго языка, то я въ томъ же ускюбскомъ округѣ неоднократно бывалъ свидѣлемъ, что македонскіе селяки почти не понимали образованныхъ болгаръ, говорившихъ съ ними, а тѣ съ трудомъ разбирались въ отвѣтахъ селяковъ. Жалобы матерей на то, что сыновья ихъ возвращаются изъ болгарскихъ школъ съ языкомъ, еле понятнымъ родной семьѣ, — постоянное явленіе. Болгаре-шовинисты въ объясненіе его говорятъ, что причина такихъ недоразумѣній кроется въ рѣзкой разницѣ болгарскаго литературнаго языка, которымъ говорятъ въ школахъ, и народнаго, которымъ говорятъ въ семьѣ. Я, однако, смѣю возразить, что, во-первыхъ, врядъ ли въ языкѣ столь молодомъ и еще мало культурномъ, каковъ болгарскій, разница эта могла опредѣлиться съ значительною рѣзкостью. Вѣдь, если съ болгарскаго литературнаго языка спять наслоеніе необходимыхъ ему заимствованій изъ русской книжной рѣчи, то мы останемся съ самымъ чистымъ, почвеннымъ народнымъ говоромъ, потому что, къ чести бол-

гартъ надо сказать, они неохотно принимаютъ въ языкъ свой барбаризмы не-славянскаго корня, и даже газетный жаргонъ ихъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи гораздо меньше нашего. Во-вторыхъ, македонскіе селяки не понимаютъ не только дѣтей своихъ, возвращающихся изъ школъ, но и родителей, долго прожившихъ на заработкахъ въ Болгаріи и затѣмъ, придя обратно, щеголяющихъ болгарскою рѣчью: это здѣсь—шикъ своего рода, такой же, какъ у насъ—ввертывать въ разговоръ французскія слова, либо у кавказскихъ казаковъ—говорить по-татарски. Конечно, эти рабочіе, въ болгарскихъ своихъ отлучкахъ, вращаются не въ избранномъ обществѣ, говорящемъ на литературномъ языкѣ, а въ компаніи такихъ же рабочихъ, какъ сами они, говорящихъ на языкѣ села и улицы и лишь этотъ языкъ способныхъ передать чужанину. Но болгарскій простонародный жаргонъ оказывается столь же мало понятнымъ для не подготовленныхъ къ нему македонцевъ, какъ и школьный языкъ.

Самый искренній отвѣтъ македонскаго славянина на вопросъ, кто онъ, это—«я христіанинъ». Вотъ все, что о себѣ онъ знаетъ твердо и самостоятельно. Дальнѣйшее—слабо, сомнительно, какъ внушенный со стороны и плохо заученный урокъ. Сербь-интеллигенты постоянно попадали впросакъ, когда старались доказать мнѣ наглядными примѣрами, что македонцы—сербы. Съ другой стороны, даже въ самой Софіи, когда добродушнѣйшій и милѣйшій г. Стоянь Заимовъ хотѣлъ показать мнѣ нѣсколькихъ крестьянъ изъ Македоніи, какъ сознательныхъ и убѣжденных болгаръ-націоналистовъ, мы наткнулись на то же осторожное, уклончивое и зыбкое—«я христіанинъ изъ Македоніи». Про встрѣчи съ македонскими мужиками въ самой Македоніи я уже и не говорю. Тамъ славянское село въ присутствіи сербскаго консула—одно, въ присутствіи болгарскаго агента—другое. Пріѣхаль я въ мѣстечко подъ Ускюбомъ, почитаемое болгарскимъ. Дѣти гуляютъ, школа сво-

бодна по случаю праздникова. Прошу: Спойте что-нибудь. Начинаятъ пѣть «Христось воскресе» — на общемъ православно-церковномъ, древле-славянскомъ языкѣ. Минуть черезъ десять является священникъ, перепуганный, смущенный, что паству его застали врасплохъ, безъ него. Умнротворили его кое-какъ, сидимъ, мирно бесѣдуемъ. Спрашиваю:

— А что, батюшка, учатся у васъ дѣти пѣнію?

— Какъ же!

— Нельзя ли, чтобы они что-нибудь спѣли?

Командуетъ:

— Пойте «Христось воскресе».

Дѣти переглядываются между собою смышленными, но уже лицемѣрными глазами и поютъ «Христось воскресе» — но на языкѣ болгарскомъ, то-есть, съ прибавкою члена. Едва отъ земли, они, увы! уже знаютъ и — какъ угодить, за счетъ своей національности, сербамъ (потому что меня сопровождали сербы), и какъ надо вести себя при болгарскомъ начальствѣ, чтобы оно не сердилось.

III.

Ни кратковременность пребыванія въ краѣ, ни дурное знаніе языка, который я легко понимаю, но говорить на немъ не рѣшаюсь, не позволяютъ мнѣ вывести изъ личныхъ встрѣчъ съ простолюдинами-македонцами основательныхъ и рѣшительныхъ положеній за или противъ нихъ. Что же касается до свѣдѣній, которыя черпалъ я изъ источниковъ болѣе интеллигентныхъ и властныхъ — отъ консуловъ, агентовъ и духовенства и т. д., отзывъ о народѣ македонскомъ былъ, точно они спѣлись, всегда одинъ и тотъ же:

— Народъ развращенъ до такой степени, что, подъ слоемъ развращенности, почти неразличимы становятся его природныя добрыя свойства.

Греки видятъ источникъ развращенности въ экзархатѣ и болгарской церковно-политической пропагандѣ; болгары — въ грекахъ, которыхъ національный фанатизмъ то и дѣло являетъ въ глазахъ населенія злѣйшими врагами христіанской идеи, разѣ она красуется на знамени иной народности; всѣ—и греки, и болгары, и сербы, и куцовлахи—въ турецкомъ гнетѣ; наконецъ, иностранные наблюдатели, а между ними и наши русскіе представители, наблюдая вопросъ объективно, со стороны, пришли къ пессимистическому выводу:

— Всѣ виноваты.

И врядъ ли это не такъ въ самомъ дѣлѣ.

Народъ привыкъ сознать себя предметомъ борьбы національной и религіозной и питаться отъ этой борьбы. У грековъ-патріаршистовъ, у болгаръ-экзархистовъ пропаганда приобрѣла характеръ какого-то политическаго спорта. Я отбилъ у болгарской схизмы пятьсотъ человѣкъ! — восторгается греческій епископъ. А болгарскій митрополитъ язвительно возражаетъ: — А я подвелъ подъ экзархатъ новый приходъ въ семь деревень. Сербы-патріаршисты, — однако, ненавидимые греками-патріаршистами за твердое стремленіе къ славянскому богослуженію и славянскому епископату, — въ свою очередь, протискиваются въ пропаганду со своими вождями, насколько то позволяютъ имъ и малочисленность ихъ и незначительность средствъ. Народъ видитъ предъ собою столько проповѣдниковъ религіи, что, въ концѣ-концовъ, теряетъ вѣру во всѣхъ нихъ и идетъ не къ тѣмъ, чье убѣжденіе вѣры ему внятнѣе и ближе къ сердцу, но къ тѣмъ, съ которыми остаются выгоднѣе житейски, кто даетъ паствѣ большія удобства политическія и матеріальныя. Народъ тянуть сразу въ нѣсколько вѣръ, но ни одна изъ нихъ не есть религія божественная: все это — лишь политическія доктрины, прикрытыя церковными формами. И народъ, инстинктомъ понимая ихъ безразличіе въ этомъ отношеніи, созная равное

отсутствіе въ нихъ духовности, съ поразительною легкостью переходитъ отъ одной къ другой: равнодушно отказывается отъ патріархіи, чтобы поддаться экзархату; равнодушно расстаётся съ «схизмою» экзархата, чтобы возвратиться подъ сѣнь патріархата. Даютъ мужику по франку въ сутки,—онъ зоветъ себя сербомъ-патріаршистомъ; воспитываютъ даромъ его дѣтей въ школѣ, — онъ болгаринъ-экзархистъ.

— Пусть явится сюда завтра китайская миссія, — съ горечью говорилъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ русскихъ представителей, — и завтра же ей наведутъ тысячи дѣтей, лишь бы ихъ кормили, поили, одѣвали, обували.

Подумать только, что въ иныхъ деревняхъ крестьяне получали отъ сербскихъ консуловъ жалованья^в (30—40 франковъ въ мѣсяцъ) подъ условіемъ считать и называть себя сербами!

— Послушайте, — сказалъ однажды такому оплаченному сербу сербскій консулъ, потерявъ терпѣніе платить, — вы получили съ насъ уже очень много денегъ; пора бы вамъ сдѣлать что-нибудь для вашего отечества даромъ, во имя патріотизма.

— Ахъ, г. консулъ! — ехидно отвѣчалъ проходивецъ, — это будетъ ужасно непріятно для васъ, потому что—покуда я получаю отъ васъ деньги, патріотизмъ говоритъ мнѣ, что я сербъ, но, едва у меня пусть карманъ, онъ начинаетъ увѣрять меня, будто я болгаринъ.

На греческомъ духовенствѣ — развратномъ, корыстолюбивомъ, фанатически эллинствующемъ — лежитъ великій грѣхъ: оно отбило македонскій народъ отъ вѣры въ смыслъ и духъ христіанства и оставило его — даже не при буквѣ вѣры Христовой, нѣтъ: при чисто-внѣшнемъ, механическомъ, равнодушномъ обрядѣ, исполняемомъ безъ пониманія, съ формулами, произносимыми на чужомъ языкѣ и чрезъ то принимающими для простаго человѣка харак-

теперь скорѣе какихъ-то суевѣрныхъ заклинаній, чѣмъ моленій къ Богу живому.

Что такое грекъ-епископъ, грекъ-священникъ для македонскаго славянина? Прежде всего—злѣйшій врагъ его народности, человѣкъ, приходящій въ бѣшенство до пѣны у рта (это я не преувеличиваю, а, къ сожалѣнію и даже къ отвращенію моему, пишу съ натуры), когда его прихожанинъ называетъ себя болгаринѣмъ, сербомъ. Это — духовный воевода, чужакъ, присланный на кормленіе мужицкимъ славянскимъ горбомъ. Воевода безжалостный, въ родѣ, напр., нѣкоего Виссаріона въ Охридѣ, на чьи варварскія вымогательства, опиравшіяся на поддержку турецкихъ властей, паства, въ конецъ обобранная, жаловалась не только патріарху и мѣстнымъ консуламъ, но даже и послѣдней и отчаянной инстанціи здѣшней,—еще могучей тамъ, гдѣ уже безсильны и вали, и патріархъ, и консулы, — горному разбойничеству! Неправда ли, недурная картинка? Разбойникъ, приглашаемый для внушенія духовному пастирю правилъ безкорыстія и порядочности?!

Безумный и безуслѣбный фанатизмъ греческаго духовенства къ эллинизации края сдѣлалъ изъ патріаршескаго клира постыдную и всѣмъ ненавистную клику шпионовъ турецкаго правительства противъ славянъ. Сами ревностные агитаторы противъ турокъ на почвѣ эллинской, греческіе епископы, попы, монахи—гораздо болѣе турки, чѣмъ сами турки, когда дѣло идетъ о преслѣдованіи славянской іерархіи и ее пріемлющихъ. Миѣ пальцами указывали на греческихъ іерарховъ, которые являются не только пособниками турокъ, нѣтъ,—сыщиками, инициаторами гоненій противъ сторонниковъ національных церквей, болгарской и сербской.

Все, въ области церкви и школы, что уклоняется отъ служенія филэллинизму, мечтая о самобытности, находитъ въ греческомъ духовенствѣ враговъ пылкихъ и свирѣпыхъ. Вторженіе какой-либо иной рѣчи, кромѣ языка

греческаго, въ богослуженіи и школьное преподаваніе при-
 водить ихъ въ неистовство, не только отвратительное нрав-
 ственно, но и глупое политически. Не говоря уже о томъ,
 что несогласія такого рода создали грекамъ могуществен-
 наго и злѣйшаго врага ихъ—болгарскій экзархатъ, дикій
 націоналистическій фанатизмъ патріаршествовъ отталки-
 ваетъ отъ нихъ село за селомъ, племя за племенемъ, об-
 ласть за областью. Это не слуги Христовы, это слуги ви-
 зантійской тираниі, самозванно и кощунственно прикры-
 вающейсѣ, всеу пріемлемымъ, именемъ Христа. Башни-бу-
 зукъ мухаммеданинъ пріятнѣе имъ православнаго христіа-
 нина, имѣющаго дерзость называть себя не грекомъ, но
 сербомъ или болгариномъ и читать божественную службу
 на родномъ языкѣ. Дѣятель албанскаго возрожденія, Авра-
 миди, жертвуетъ общинѣ Корча 500 тыс. франковъ на
 школы, съ тѣмъ, чтобы преподаваніе въ нихъ велось на
 албанскомъ языкѣ. Греческій митрополитъ надменно от-
 клоняетъ предложеніе: албанцы должны узнавать религію
 и грамоту только по-гречески. Тогда за предложеніе Авра-
 миди съ радостью хватаются албанцы-мухаммедане и устраи-
 ваютъ національныя школы смѣшаннаго характера,—од-
 нако, съ преобладаніемъ, конечно, мусульманскаго эле-
 мента. Мусульманская пропаганда торжествуетъ. Хри-
 стіанство принесено въ жертву филэллинизму. Здѣсь фа-
 натикъ-грекъ прекратилъ чтеніе евангелія на славянскомъ
 языкѣ. Тамъ—изъ эктеніи выбрасывается моленіе о всѣхъ
 православныхъ христіанахъ, замѣняясь моленіемъ о всѣхъ
греческихъ церквахъ. Это—духовенство не любви, а не-
 нависти. Какъ нѣкогда распрями своими оно погубило
 Византію и сдало туркамъ Константинополь, такъ и те-
 перь, ничему не научившись и ничего не забывъ, гре-
 ческіе архіереи и священники служатъ полумѣсяцу про-
 тивъ креста,—быть-можетъ, сами того, въ узкомъ эгоизмѣ
 своемъ, не сознавая. И диво ли, что такое духовенство
 не въ состояніи поддержать уваженія народнаго ни къ себѣ

самому ни къ религіи, коей оно является органомъ? Диво ли, что патріаршество сейчасъ разбито въ Македоніи по всему фронту, и католики, методисты, наипаче же болгарскій экзархатъ—теперь главная духовная сила здѣшняя — уже дѣлать между собою наслѣдіе всѣмъ постылаго Фанара?

IV.

Экзархатъ, могучее орудіе болгарскаго національнаго объединенія, является самымъ твердымъ и надежнымъ оплотомъ болгарскаго напора на Македонію, которую онъ увѣренно, упорно и послѣдовательно болгаризировать черезъ церковь и школу. Противъ такого мирнаго завоеванія края много кричали и кричатъ, но противъ него ровно ничего не имѣетъ самъ народъ, ему подвергающійся. Когда битолійскій грекъ или ускюбскій сербъ жаловались мнѣ на обиды, тернимыя ими отъ болгарской церкви и школы, я всегда думалъ одно и то же:

— А кто же виноватъ въ томъ, что болгарская церковно-школьная пропаганда умнѣе, энергичнѣе, наглядно полезнѣе для народа, чѣмъ ваша? Кабы вы сами не зѣвали, такъ не болгары бы васъ болгаризировали, а вы посербили бы либо погречили болгаръ. Македонія, съ ея промежуточною славянскою расою, ее населяющею, брошена на распутии, какъ *res nullius*. Вы ею безпечно пренебрегали. Болгарія же подобрала ее, какъ національность, въ свой карманъ, и теперь *jus primi occupantis* даетъ ей полное основаніе видѣть въ Македоніи свое имущество и дѣтище и стоять за нее, какъ за свою.

Одинъ русскій дипломатъ, слышущій за сербофила, сказалъ мнѣ о сербахъ слѣдующія знаменательныя слова, во многомъ справедливыя.

— Жаль сербовъ, но имъ въ Македоніи сейчасъ съ

болгарами не совладать. Сербь—нація милая, мягкая, умная, но глубоко несчастная и нездоровая. Эти люди, если можно такъ выразиться, національно переутомлены. Пятьсотъ лѣтъ самостоятельной борьбы за свободу вымотали ихъ нервы,—духъ у нихъ силенъ, но плоть немощна. Болгары же—племя молодое, свѣжее, земляное. Они грубы, практичны; они—плоть, люди, въ полномъ смыслѣ слова, отъ міра сего. Они не растрчивали своихъ силъ ни въ освободительныхъ возстаніяхъ, ни въ политическихъ революціяхъ. И свободу, и государственное устройство, и войско—все!—имъ поднесла Россія даромъ, на блюдѣ. Пальцемъ о палець не ударивъ, чтобы добыть все это, они—въ то время, какъ сербы истощали—сберегли себя во всемъ своемъ черноземномъ могучествѣ. И,—оставляя въ сторонѣ всякіе споры о правахъ историческихъ, церковныхъ, этнографическихъ,—картина сербоболгарской распри въ Македоніи ясна и проста: на узенькомъ мостикѣ—въ пору пройти одному человеку—встрѣчаются здоровенный, грубый и безпардонный рабочій и нервный, вялый, истощенный, анемичный баричъ. Уступить дороги ни тотъ ни другой не хотятъ, — пруть грудью другъ на друга. Когда они столкнутся тѣло къ тѣлу, не очевидно ли, кому изъ двухъ придется летѣть подымость, и кто, побѣдителемъ, пойдетъ своею дорогою?

Въ противовѣсъ лѣни или неумѣнію сербовъ вести политико-національную пропаганду, болгары удивительно ловкіе, настойчивые и пылкіе агитаторы. Школами, церковнымъ вліяніемъ, цѣлою тучею торговыхъ и политическихъ эмиссаровъ имъ удалось оболгарить въ Македоніи даже и то, что въ ней еще не было болгарскимъ. И,—сверхъ того,—оболгаривъ, водворить въ населеніи вѣру въ себя и страхъ предъ собою, воспрещающіе оболгареннымъ разболгариваться.

Болгары смѣются надъ наивностью сербскихъ апологетовъ, увѣряющихъ, будто болгаризація мѣстнаго населенія началась съ учрежденіемъ экзархата, т. е. съ 1872

Синезій,
болгарскій митрополитъ въ Ускюбъ (Скопле).

года, будто до русско-турецкой войны здѣсь жили только сербы, а нынѣшнее признаніе македонцевъ «бугаринъ съмъ» есть результатъ не болѣе, какъ тридцатилѣтней болгарской пропаганды.

— Вотъ какіе мы молодцы-пропагандисты, — трунять болгары: — греки работали тысячу лѣтъ, чтобы эллинизировать славянъ, и не успѣли огречить ни одного уголка въ Македоніи. А мы въ четверть вѣка — видите ли — передѣляли всѣхъ македонскихъ сербовъ въ болгаръ!

Лишь весьма незначительная часть болгарскаго духовенства и школьнаго персонала въ Македоніи остается нейтральною въ дѣлѣ освободительнаго движенія. Большинство — либо вѣрные слуги, либо полномочные агенты, либо даже вожаки и заправилы революціи. Когда священникъ становится революціонеромъ, это — грозная сила. Ее явили польскіе ксендзы-повстанцы и разстриги великой французской революціи. Недаромъ же Гюго, когда ему надо было создать для «93 года» фигуру, полную революціоннаго фанатизма, — истинно безпощаднаго, неуклоннаго, неотвратимо-последовательнаго, какъ сама судьба, — выбралъ героемъ бывшаго священника.

Я вспомнилъ этого героя, когда говорилъ съ Синезіемъ, болгарскимъ митрополитомъ въ Ускюбѣ. Турки зовутъ Синезію «Башъ-Катилъ», т. е. атаманъ убійць, слагая на совѣсть и имя почтеннаго болгарскаго пастыря рѣшительно всѣ политическія преступленія, какими такъ богата Скопійская епархія. То же самое мнѣніе держится и о Максимѣ Велескомъ, при чемъ кладутъ между двумя епархіями только ту разницу, что Синезій, какъ человѣкъ дикій, необразованный, грубѣе и смѣлѣе въ дѣйствіяхъ, и прикосновенности своей къ революціонному террору почти не скрываетъ, а Максимъ — больше «византиецъ», какъ зовутъ здѣсь ловкихъ и двусмысленныхъ политиковъ. И противъ такихъ-то людей сербы выставили своего слабуюшлаго, безхарактернаго, часто выпивающаго Фирми-

ліана! Максима Велесского я не видалъ, а Синезій про-изводитъ весьма внушительное впечатлѣніе. Широкоплечій великанъ, съ огромною сѣдою бородою лопатою, съ жесткими, смышленными сѣро-голубыми глазами, онъ, правду сказать, похожъ не столько на архіерея, сколько на Безсуднаго изъ комедіи «На бойкомъ мѣстѣ». Встрѣтитъ подобную фигуру подь вечеръ въ глухомъ переулкѣ не весьма пріятно. При всемъ томъ, онъ мнѣ понравился: человекъ убѣжденный, прямолинейный, не льстивый, мало заботливый казаться лучше своей репутаціи и, вообще, кажется, къ чужому мнѣнію о немъ довольно безразличный. Струминицкій митрополитъ Герасимъ — человекъ, который, кажется, и самъ на себя удивляется: почему онъ митрополитъ? Нравственность балканскаго духовенства, какъ говорено неоднократно, вообще стоитъ не на высокомъ уровнѣ, но этотъ Герасимъ — безобразникъ уже совсѣмъ изъ рукъ вонъ, терпимый самими болгарами только ради его патриотическаго усердія. А впрочемъ, иные скептики даже и послѣднее подвергаютъ сомнѣнію, увѣряя, будто иногда Герасимъ одною ногою стоитъ въ революціонномъ комитетѣ, а другою въ полицейскомъ участкѣ и продастъ туркамъ товарищей-революціонеровъ. Вѣрно ли это, — Богъ знаетъ.

Часть македонцевъ оболгарилась, другая, менѣе численна и значительная, посербилась, но — несмотря на вліяніе церкви и школы греческой — эллинизированныхъ славянъ въ Македоніи нѣтъ. Когда македонецъ говоритъ про себя: «Я грекъ» — это совсѣмъ не значитъ, чтобы онъ принадлежалъ къ греческой національности. Девять десятыхъ изъ называющихъ себя греками не знаютъ и не понимаютъ ни единого слова по-гречески. «Грекъ» въ Македоніи значитъ либо прихожанинъ православной церкви, патриаршисть, либо — въ сельскомъ обиходѣ — «горожанинъ», «человекъ изъ города»: пережитокъ весьма древнихъ временъ, когда европейскій и азіатскій міръ дѣлился

Фирмилианъ,
сербскій митрополитъ Скопійской епархіи (Ускюбъ).

на двѣ половины—грубую варварскую деревенщину, под лежавшую покоренію мечомъ и затѣмъ цивилизаціи, и городскую греческую силу, побѣждавшую деревенскихъ варваровъ и распространявшую между ними свѣтъ своихъ институцій, наукъ и искусствъ.

Какъ балканскіе славяне злоупотребляютъ словомъ «грекъ» въ этомъ послѣднемъ значеніи, рассказали мнѣ болгарскій ученый Офейковъ, — притомъ безъ всякаго задняго умысла, просто какъ курьезный анекдотъ о «дурости деревенщины». Путешествуя по Россіи, забрелъ онъ въ одно изъ болгарскихъ селъ Бессарабіи. Видитъ: крестьяне держатся обычая, вынесеннаго изъ Задунайской родины, крѣпко, языкъ помнятъ отлично, — словомъ, за національность и преданія свои держатся обѣими руками. Спрашиваетъ:

— Ну, а священникъ и учитель имѣются у васъ?

— Какъ же! Хорошіе люди, дай Богъ имъ здоровья.

— Ваши же односельчане?

— Нѣтъ, прежде были наши, а какъ померли, такъ намъ прислали грековъ.

Это объясненіе, конечно, ударило болгарскаго ученаго, фанатика-націоналиста, ножомъ въ сердце: какъ?! греческое духовенство въ болгарскомъ селѣ?! Идетъ къ священнику. Тотъ оказывается болгаринъ. Ученый—въ недоумѣніи.

— Батюшка, — проситъ онъ, — скажите, какого вы происхожденія?

— Разумѣется, болгаринъ.

— Почему же прихожане зовутъ васъ грекомъ?

— А потому, — смѣется попъ, — что я родомъ изъ Кишинева и учился въ Кишиневѣ. По ихнему болгаринъ — селякъ, который живетъ и землю пашетъ. А въ городахъ живутъ греки. Ну, а я, хоть и болгаринъ, — городской обыватель; стало быть, для нихъ выходитъ—грекъ.

Недоразумѣнія въ томъ же родѣ бывали и со словомъ «сербинъ», сербъ. Гильфердингъ свидѣтельствуетъ, что

«србинъ» значить въ старомъ балканскомъ обиходѣ — «православный» народъ. — Я се чудимъ, говорятъ Гильфердингу помаки, — я се чудимъ, да е вашъ Царъ помого Нѣмцу на Мадяра: вашъ Царъ е *Србинъ*, а нѣмаць е шокаць (католикъ)... Исслѣдователи-сербофилы, какъ Гопчевичъ, усерднѣйшимъ образомъ заносили въ свои списки сербами всѣхъ, кто называлъ себя сербиномъ лишь въ смыслѣ принадлежности своей къ сербской, т. е. православной вѣрѣ.

Еще недавно, путемъ поддѣльной и удивительно наглой, по претензіямъ своимъ, статистики, греки, пользуясь такими недоразумѣніями въ фразеологій народной, что называется, втирали очки Европѣ, представляя все македонское население эллинскимъ (до милліона душъ), отчисляя на прочіе національные элементы лишь весьма ничтожныя процентныя доли. Турецкая власть, вообще съ греками живущая дружно, покровительствовала грекамъ и вольно и невольно. Вольно — потому, что считала грековъ благонадежнымъ элементомъ, а славянъ — бунтовскимъ, и, слѣдовательно, признаніе македонца, что онъ грекъ, являлось для него, въ глазахъ турокъ, какъ бы аттестаціей вѣрно-подданничества. Невольно — потому, что турецкая власть вообще не считается съ національнымъ дѣленіемъ своихъ народовъ, а признаетъ лишь религіозное. Въ замѣнъ статистики по національностямъ, у нея имѣются рекрутскіе списки, раздѣляющіе мусульманъ, подлежащихъ воинской повинности (нуфузъ), отъ христіанъ, платящихъ освободительный отъ воинской повинности налогъ (бедели-аскеріэ). Для нея существуютъ православные, католики, іудеи, мусульмане, гебры, но о народности православныхъ, католиковъ, іудеевъ etc. турецкая власть говоритъ лишь тогда, когда эта народность и исповѣдуемая ею религія сливаются для нея въ общій и нераздѣльный символъ. Православная вѣра — для турокъ, греческая вѣра. Вотъ почему и сыгралъ такую важную роль въ исторіи болгарскаго возрожденія и

освобожденія экзархатъ, отдѣлившій болгаръ отъ вселенскаго патріархата въ отдѣльную группу. Какъ народность, болгаре не выдѣлялись во мнѣніи турокъ изъ ряда другихъ «румъ-милети». Но, когда туркамъ выяснилось, что болгаре—не греческой вѣры, а своей собственной, болгарской,—они, хотя и съ крайнимъ неудовольствіемъ, полные самыхъ тяжелыхъ предчувствій, принуждены были признать болгаръ новою, спеціальною народною единицею. Вотъ почему также каждый шагъ пропаганды въ Македоніи для серба вдесятеро труднѣе, чѣмъ для болгарина, и вся сербская пропаганда бесплодна сравнительно съ болгарскою. Турки признаютъ право проповѣди за каждою вѣрою и глубоко равнодушны къ распредѣленію прозелитовъ между христіанскими исповѣданіями,—лишь бы не обращали въ христіанство мусульманъ. Экзархатъ, дающій македонцу, кромѣ религіознаго удовлетворенія, еще и клеймо національности, естественно, при такой терпимости, долженъ былъ развиваться пышнымъ цвѣтомъ,—тогда какъ сербизмъ, попрежнему закованный въ эллиническіе кандалы, отставалъ отъ болгарской религіозно-политической пропаганды на всякомъ шагу. Болгары несли македонскому народу дары осязательные: славянское богослуженіе, славянскую школу и, главное, официально признанную національность. Сербамъ же—что касается богослуженія и школы—до сихъ поръ приходится выпрашивать славянскаго языка, какъ милости, или отвоевывать силою и скандалами у греческихъ епископовъ, сплошь фанатиковъ-эллинистовъ. А національность... Я спросилъ высокопоставленнаго турка, Хамди-Пашу: много ли, по его мнѣнію, въ Македоніи сербовъ?

Паша (NB. Мать его сербка) сдѣлалъ наивное лицо и отвѣчалъ:

— Ни одного серба. Сербы живутъ въ Сербіи и въ Австріи. Мы же знаемъ только людей греческаго вѣроисповѣданія, которые, правда, говорятъ сербскимъ язы-

комъ, но это — ихъ дѣло; для насъ оно — не причина, чтобы считать ихъ сербами.

Хамди-паша, *aide de camp* султана, изящнѣйшій и сладкорѣчивѣйшій турокъ, съ какимъ только приходилось мнѣ встрѣчаться. Онъ занимаетъ постъ инспектора пограничныхъ войскъ, что, помимо чисто военныхъ обязанностей, возлагаетъ на этого молодого генерала и огромную политическую отвѣтственность. Хамди-пашу считаютъ не только австрофиломъ, но и вовсе «австрійскимъ человѣкомъ». Однако, въ разговорѣ со мною онъ ругалъ австрійцевъ и австрійскую политику такъ, что даже мнѣ вчужѣ ихъ жаль стало, и превозносилъ насъ, русскихъ, съ которыми-де турки честно дерутся, честно и мирятся, — не то, что съ Австріею, которая всегда ведетъ себя *comme une putaine*. Австрійцу онъ, по всей вѣроятности, пѣлъ бы пѣсни совершенно обратнаго содержанія. Вообще, красавецъ сей, кажется, воображалъ, что я не успѣлъ еще освѣдомиться о здѣшнихъ дѣлахъ, и потому вралъ мнѣ въ глаза всякія небывлицы съ самою восхитительною дерзостью. Я, конечно, слушалъ его съ невозмутимымъ спокойствіемъ и дѣлалъ видъ, что вѣрю каждому его слову. А эффектный генералъ! Всего тридцать лѣтъ отъ роду ему, а — какъ началъ онъ мнѣ хвалиться всѣми орденами, что понавѣшали на него власти турецкія и иноземныя, даже смѣшно стало: не человѣкъ — иконостасъ ходячій! Если когда-нибудь будемъ воевать съ турками, отъ души желаю, чтобы Хамди-паша попался въ плѣнъ: провинціальныя барыни, столь блистательно доказавшія свое турколюбіе во время прошлой войны, будутъ отъ него безъ ума, и въ Калугѣ или Вязьмѣ какой-нибудь онъ проблестаетъ въ продолженіе своего полна, какъ излюбленный и несравненный левъ.

Одною фразою Хамди-паша обмолвился, однако, мѣтко и зловѣще.

— Сербы и болгары, — сказалъ онъ, — такъ увлеклись, дѣля между собою Македонію, что, кажется, совершенно

позабыли, что мы, турки, тоже присутствуемъ здѣсь немножко. А ну—какъ мы это имъ напомнимъ?

Разговаривали мы въ купе поѣзда между Ускюбомъ и Приштиною. Спутникъ мой, извѣстный сербскій націоналистъ Свѣто Симичъ, вступился въ бесѣду горячимъ и страстнымъ протестомъ... Хамди-паша продолжалъ журчать сладкорѣчимъ и невозмутимо доказывалъ, что славяне изъ автономій преувеличиваютъ несчастія своихъ зарубежныхъ земляковъ.

— Конечно, я не скажу, чтобы въ Скопійскомъ владѣетъ царили полный порядокъ и благополучіе. Но неурядицы, которыхъ вы свидѣтели, возникли не сейчасъ, не внезапно. Имъ четыреста лѣтъ. По-моему, теперь здѣсь даже тише, чѣмъ было раньше...

— Какъ тише?!—возопилъ Симичъ,—а аресты ваши ужасные?! Кто изъ славянъ подъ турецкою рукою засыпаетъ съ увѣренностью, что въ ночи не отведутъ его въ тюрьму?

Красивое лицо Хамди приняло выраженіе холодной злобы.

— Позвольте, позвольте! — медленно и полицейски-повелительно сказалъ онъ. Мы никакихъ *славянъ*, никакихъ *сербовъ*, никакихъ *болгаръ* не арестуемъ,—мы арестуемъ подданныхъ его величества султана, злоумышляющихъ противъ цѣлости его имперіи. Если вы покажете намъ европейское государство, гдѣ политическихъ сепаратистовъ не арестуютъ,—мы, пожалуй, тоже пустимъ гулять на свободу всѣхъ своихъ...

Созданіе экзархата было несомнѣнно величайшимъ и гениальнѣйшимъ актомъ національной болгарской политики, и, признаюсь, я всегда съ досаднымъ смѣхомъ читаю кабинетныя разсужденія, время отъ времени появляющіяся въ нашей періодической печати, что—пора-де болгарамъ образумиться, разстаться со своею «схизмою» и, подь условіемъ тѣхъ или другихъ компромиссовъ, раскаянно

возвратиться въ лоно патріархата. Говорить о «схизмѣ», разбирая въ петербургскомъ кабинетѣ главы и статьи каноническихъ книгъ, писанныхъ тысячи и сотни лѣтъ назадъ, очень легко; но — когда вы видите болгарскій народъ и жизнь его не въ отвлеченномъ представленіи, а въ практическомъ обиходѣ, то еще легче становится понять, и развѣ слѣпой упрямецъ понять не захочетъ, что «схизма» эта и болгарская народность — едино суть. Требовать у болгаръ отказа отъ «схизмы» и подчиненія Фанару значить требовать, чтобы они перестали создавать себя отдѣльною самобытною національностью, чтобы новая клѣточка культурнаго славянства отдала себя въ византійское рабство, въ руки тупыхъ, отсталыхъ, пропитанныхъ средневѣковыми предразсудками монаховъ-эллиновъ, дико враждебныхъ всему славянскому на Балканскомъ полуостровѣ, а ужъ въ особенности болгарамъ, какъ успѣшнымъ и побѣдоноснымъ своимъ противникамъ.

Фанариоты и греческія притязанія въ Македоніи имѣютъ своихъ сентиментальныхъ защитниковъ въ русской печати. Я думаю, — повторяю еще разъ, — что защитники эти руководятся исключительно кабинетными соображеніями, почерпнутыми изъ историческихъ воспоминаній... трогательныхъ, правда, но — увы! — уже пятисотлѣтней давности. За греческимъ духовенствомъ имѣется великая историческая заслуга, что оно вѣками отстаивало и отстояло православіе подъ Балканами. Но нельзя не согласиться, что греческое православіе, въ теченіе борьбы своей съ исламомъ — борьбы податливой, поклонной, придворной, — почти потеряло характеръ религіознаго символа и переродилось въ символъ политическій, дающій извѣчно и en gros такой же просторъ національнымъ вождельніямъ эллинизма, какъ экзархатъ открылъ просторъ вождельніямъ болгаризма. И вотъ этого-то послѣдняго, и только этого, Фанаръ и не въ силахъ простить болгарскому экзархату.

Еслибы поклонники фанариотовъ видѣли кумировъ

своихъ въ дѣйствіи, то врядъ ли славянское чутье позволило бы имъ продолжать свою защиту этихъ ненавистниковъ всего славянства и—прежде всего—Россіи. Мы добродушно повторяемъ за греками слова о болгарской «схизмѣ», но вѣдь, положа руку на сердце, нельзя не сознаться, что и сами мы — для грековъ — тоже своего рода схизматики, признаваемые ими за православныхъ *de jure* и явно, но втайнѣ и *de facto* совсѣмъ имъ не-симпатичные. Для грека православіе царитъ только тамъ, гдѣ грекъ епископъ, гдѣ обѣдня служится и евангеліе читается—по-гречески. Въ то время, какъ вѣковая борьба съ духовнымъ наслѣдіемъ Лютера выучила самый Римъ признавать свободу религіознаго языка и священства, потомки византійцевъ фанатически ухватились теперь за исключительность своихъ правъ на эллинскія основы православія, и фанатизмъ ихъ—прямая и главнѣйшая причина, что тысячи балканскихъ христіанъ уклоняются отъ православія, уходя въ схизму болгарскую и въ другія вѣроисповѣданія.

— Вы, русскіе, во всемъ виноваты! — вырвалось однажды въ разговорѣ со мною у греческаго патріота Т.—Вы,—именно вы, воображающіе себя покровителями и защитниками православной вѣры!

— Какъ же это такъ мы стали виноваты? чѣмъ? почему?

— Потому что вы своими освободительными войнами разбудили проклятую гидру націонализма, и она теперь поднимаетъ противъ насъ десятки головъ. Болгары, сербы, албанцы, румыны—всѣ объявляютъ себя отдѣльными народностями, требуютъ національныхъ церквей.

— Позвольте! да вѣдь эти національныя церкви будутъ все же православныя?

Собесѣдникъ мой пожалъ плечами и возразилъ:

— Онѣ не будутъ греческими.

— Но—православными?!—настаивалъ я.

Тогда онъ вышелъ изъ себя и почти закричалъ:

Соч. А. Амфитеатрова.

— Да какое намъ до этого дѣло? Разъ онѣ перестанутъ быть греческими, могутъ идти хоть цѣловать туфлю римскому папѣ, прикладываться хоть къ гробу Магомета въ Меккѣ! Неужели вы не понимаете, что каждое такое выдѣленіе церкви и національности—тяжелый ударъ по византійской идеѣ, по величайшей государственной идеѣ, какая когда-либо управляла міромъ?

— Ахъ, вотъ что! Мечты о византійской имперіи! А не находите вы, что онѣ... того... нѣсколько устарѣли?

Грекъ упрямо покачалъ головою.

— Что было наше, будетъ вновь наше.

— И Константинополь? И Святая Софія?

— Конечно. И храмъ св. Ирины, гдѣ засѣдалъ вселенскій соборъ... и все!

— И скоро вы надѣетесь вновь благопріобрѣсти все это?

— Разумѣется, какъ только турки будутъ выброшены изъ Европы въ Малую Азію.

— Такъ. Ну, а какимъ же способомъ надѣетесь вы добиться столь счастливаго историческаго оборота?

Собесѣдникъ мой вытаращилъ на меня глаза съ самымъ наивнымъ изумленіемъ: этакихъ, молъ, общеизвѣстныхъ пустяковъ человѣкъ сообразить не можетъ!

— Какъ—какимъ?! Да вы же, русскіе, придете выгнать ихъ и возстановить крестъ на Св. Софіи!

Очередь вытаращить глаза была за мною.

— Ну, хорошо: придемъ, выгонимъ, возстановимъ. Но вамъ-то какая отъ того польза?!

— Та польза, что вы не въ состояніи будете удержаться въ Константинополѣ, уйдете и отдадите его намъ.

Я не выдержалъ, расхохотался.

— Ахъ, такъ это, значить, мы будемъ стараться для васъ?

А онъ—пренаивно:

— А то—для кого же? Это ваша историческая задача!

Бредни, скажете? Конечно, бредни. Но—характерныя и распространенныя. Объ этихъ «греческихъ бредняхъ» съ неудовольствіемъ писали уже русскіе государственные люди эпохи Александра I. Наша русско-турецкая война, создавшая Болгарію, не прощена намъ греческими фанатиками. И не будетъ прощена. Ихъ мнѣніе:

— Русскіе надѣлали, чортъ знаетъ чего! Въмѣсто того, чтобы взять Константинополь и возстановить престоль Комненовъ и Палеологовъ, они насочинили какихъ-то символапыхъ славянскихъ государствъ, которыя знать насъ не хотятъ, растутъ и множатся, и—чѣмъ больше множатся и растутъ—тѣмъ далѣе и далѣе призраки Комненовъ и Палеологовъ уходятъ отъ насъ въ глубь вѣковъ...

V.

Пасха застала меня въ Монастирѣ, довольно-таки захудалой столицѣ Пелагонійской—между серебрянымъ полднѣмъ Перистеріи и еще болѣе сѣдымъ Каймакамчаломъ, пріютомъ пресловутаго албано-македонскаго разбойничества.

Удивительно странный... ужъ не знаю, право, какъ и выразиться—институтъ, что ли?—мѣстное разбойничество. Трудно разобрать, гдѣ въ витязяхъ македонскихъ и албанскихъ ущелій проходитъ граница между бичемъ страны, дорожнымъ грабителемъ-налетомъ, и великодушнымъ рыцаремъ безъ страха и упрека, самозваннымъ, но упорнымъ и убѣжденнымъ орудіемъ справедливости, благословляемымъ всѣми, кого давить кривда власти свѣтской или духовной.

Вотъ, напримѣръ, нѣкій Кайо—албанецъ, мусульманинъ. Уроженецъ Корчи, онъ въ юности совершилъ убій-

ство ради кровной мести и бѣжалъ въ горы, стать разбойникомъ. Несмотря на столь непочтенно звучащее наименование профессіи, Кайо — именно ею — сдѣлался настоящимъ благодѣтелемъ родного края, превративъ себя, такъ сказать, въ послѣднюю моральную инстанцію, къ которой могла здѣсь апеллировать поруганная и угнетенная справедливость, когда проигрывала свои дѣла на всѣхъ ступеняхъ закона и формальнаго права. Разбойничая въ казахъ Корчевской и Старовской, Кайо былъ ужасомъ для взяточниковъ-чиновниковъ, корыстолюбивыхъ выметателей-поповъ, ростовщиковъ, притѣснителей-беевъ. Онъ рядилъ свой вольный судъ въ ущельяхъ и дубравахъ по голосу сердца и честнаго убѣжденія, и — горе было тому, кто предъ судомъ Кайо оказывался виноватымъ!

Приносилъ ли судъ этотъ осязательную, прямую пользу?

А вотъ какъ приносилъ.

Утомясь тревожною жизнію горнаго разбойника, Кайо улучилъ моментъ, чтобы, встрѣтивъ на постояломъ дворѣ одного изъ мѣстныхъ европейскихъ консуловъ, попросить — не выхлопочетъ ли тотъ ему амнистію? Консулъ охотно обѣщалъ. Но вдругъ — является къ нему депутація отъ крестьянства двухъ казъ:

— Ради Бога! пожалуйте насъ! не выхлопатывайте Кайо амнистіи!

— Почему же? Онъ стоитъ ея, — вы всѣ сами говорите, что онъ прекрасный человѣкъ.

— Потому что — покуда онъ внѣ закона и разбойникъ — его всѣ боятся, а когда онъ станетъ мирнымъ селякомъ, какъ всѣ мы, никто не станетъ его бояться, и, стало быть, намъ, бѣднымъ, уже некому будетъ жаловаться на свои обиды. А у насъ какъ разъ митрополитъ — жадный, прежадный. Еслибы не Кайо, онъ содралъ бы съ насъ послѣднюю шкуру!

И посыпались рассказы о разныхъ подспудныхъ грабителяхъ и вымогателяхъ, которые потому только и держатъ себя болѣе или менѣе смирно, не развертывая своихъ подлыхъ и хищническихъ способностей во всю ширину, что есть надъ ними страхъ справедливаго мстителя Кайо. Консуль подумаль-подумаль, — видить: что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай, — уважилъ мужицкую просьбу и, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, отказалъ Кайо въ хлопотахъ объ амнистіи.

Промышляя разбоемъ, Кайо никогда не тронулъ имущества и достатка ни одного бѣдняка. Напротивъ, встрѣча съ нимъ была истиннымъ счастьемъ для бѣднаго человѣка, потому что рыцарь большой дороги не задумывался отдать послѣднюю копейку всякому, кого видѣлъ въ нуждѣ и несчастіи. Нападая на богачей, онъ тоже не обдиралъ ихъ, какъ липку.

— Сколько съ тобою денегъ?

— Сто лиръ.

— Шестьдесятъ отдашь мнѣ, сорокъ — уноси. Богъ съ тобой! разживайся!

Никогда онъ не уводилъ людей въ горы, чтобы потомъ требовать за нихъ выкупа. Жилъ голякомъ, ибо все, что добывалъ разбоемъ, немедленно дѣлилъ между извѣстными ему бѣдняками. Разницы между христіанами и магометанами онъ не дѣлалъ и — хоть самъ магометанинъ — а давалъ на масло нѣсколькимъ христіанскимъ монастырямъ. Такъ что — нищимъ Кайо ударился въ разбой, нищимъ и вернулся въ міръ изъ разбоя.

Амнистію выхлопоталъ ему... греческій митрополить, нашедшій, что, покуда непрощенный правительствомъ Кайо будетъ оставаться на своемъ разбойничьемъ посту, митрополичья кассею останется капиталомъ, приносящимъ черзчуръ малые проценты.

— Ну, и что же теперь дѣлаетъ Кайо?

— Живеть въ Корчѣ, какъ добрый человѣкъ, беретъ на откупъ десятинную подать, и всѣ его очень уважають.

— Ну, а митрополить?

— Митрополить?... гмъ... что жъ? митрополить,—извѣстно, — стать, какъ всѣ греческіе митрополиты.

— А населеніе?

— А населеніе жметя, кряхтитъ да между собою приговариваетъ: «Ахъ, еслибы Кайо снова въ чемъ-нибудь провинился и опять пошелъ въ разбойники!»

VI.

Свѣтлый праздникъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ богослуженіемъ и въ греческой церкви и въ болгарской. Прихожанъ и у той и у другой въ Битоліи множество, а церкви маленькія, — особенно болгарская, — низкія. Что за удущье, что за жара стояла въ нихъ отъ массы молящихся, притомъ — съ зажженными; въ теченіе не только всей заутрени, какъ у насъ, но еще и обѣдни, свѣчами, — это даже и вспомнить жутко. Словомъ, простоявъ въ этой чадной атмосферѣ три слишкомъ часа, я впервые въ жизни узналъ на опытѣ, что такое обморокъ, и еле выбрался изъ толпы богомольцевъ, крайне довольный уже и тѣмъ, что не повалился безъ чувствъ прямо къ ногамъ добрѣйшаго болгарскаго митрополита Григорія... Это — русскій воспитанникъ (Визанской академіи), другъ русскихъ и Россіи, истинный болгаринъ, чуждый шовинистическихъ увлеченій, и милый, образованный человѣкъ. Даже жаль, что приходится ему зарывать свою талантливость и свой живой темпераментъ въ битолійской глуши. Великая рѣдкость: его любятъ и сербы, и болгары, и даже греки говорятъ о немъ съ уваженіемъ. Это — архіерей съ огромными

миротворческими способностями и уживчивымъ, но твердымъ правомъ: качества драгоценныя для духовнаго пастыря въ мѣстности, гдѣ политическія отношенія волнуютъ церковную жизнь едва ли не больше, чѣмъ свѣтскую, гдѣ церковь — и опора національностей, и арена для борьбы ихъ между собою.

Въ субботнюю всенощную крестный ходъ съ плащаницею изъ греческой церкви являлъ картину, поразительную своею дикою, рембрандтовскою эффектностью. Куда ни взглянешь, свѣтлыя искры свѣчей, красно озаренныя смуглыя лица, фески, сверкающіе южные глаза. Толпа волнуется, какъ море, рычитъ, люди напираютъ другъ на друга. Турецкіе аскеры двумя шеренгами охраняютъ шествіе клира и плащаницу, чтобы ихъ не опрокинулъ напоръ богомольцевъ. Главная улица Монастира залита крестнымъ ходомъ во всю ширину: движеніе на ней прекращено, мусульмане уступили мѣсто христіанскому празднику и, повидимому, на то не жалуются. Въ дверяхъ, въ окнахъ, на балконахъ — люди и свѣчи, свѣчи и люди. И надъ всѣмъ этимъ — темносиняя, тихая, южная ночь — первая счастливая ночь молодой весны — съ опрокинутымъ долу дышломъ въ сверкающей колесницѣ огромной, изумрудной Большой Медвѣдицы.

Я впервые присутствовалъ при торжественной, митрополичьей греческой службѣ и остался отъ нея далеко не въ восторгѣ. Пѣвчіе были, какъ шакалы въ зимнюю ночь, а священнослужители, начиная съ самого митрополита Амвросія, то и дѣло, какъ хохлы говорятъ, «заводились» изъ-за мѣстъ и распорядка въ чинѣ, который, повидимому, почти всѣ плохо знали. Вѣдь, подумать только, что среди мѣстнаго греческаго духовенства треть еле-еле читаетъ грамоту, а половина гораздо въ письменности лишь настолько, чтобы, вмѣсто свидѣтельствующаго о безграмотности креста, — подмахнуть подъ официальной бумагою имя свое и фамилію.

Греческій митрополитъ Битолийской епархіи, высоко-преосвященный Амвросій—курьезный человѣкъ. Прежде всего, онъ фанатикъ эллинизма, изъ фанатиковъ фанатикъ. Эллинизмъ и православіе для него синонимы. Поэтому онъ ненавидитъ равно всѣхъ славянъ, съ ихъ національно-церковными стремленіями,—ненавидитъ и Россію, съ чьею помощію всегда осуществлялись славянскія національныя тяготѣнія. Съ турками онъ, какъ большинство греческихъ митрополитовъ, пріятель,—чуть ли не чиновникъ секретный... изъ разряда тѣхъ, которыхъ Щедринъ имѣновалъ «спектрами горохового пальто». Это, должно быть, очень честолюбивый и болѣзненно, перво тщеславный человѣкъ, потому что въ каждомъ словѣ его, въ каждомъ жестѣ чувствуется страстный актеръ житейскій, бьющій на эффектъ, не знающій, какъ бы—по выраженію Липочки Большой—«блеснуть очаровательнѣе». Таковъ онъ показался мнѣ въ частномъ обиходѣ, таковъ и въ церкви. Евангеліе онъ читалъ съ интонаціями Мунэ-Сюлли, а, прикрикивая на неловкихъ уподіаконовъ, мѣшалъ съ греческою рѣчью французскія междометія. И, когда дамы-иностранки немножко замялись въ крестномъ ходу предъ плащаницею, Амвросій—*Ὁ τῆς Πελαγονίας Ἀμβρόσιος*—прегалантно рекомендовалъ имъ.

— *Passez, passez, mesdames, s'il vous plait!*

Чуднѣ всего, что,—оказывается,—кромѣ эффектныхъ вставныхъ междометій, да самыхъ обыденныхъ, ходовыхъ фразъ, чудакъ этотъ и по-французски-то вовсе не говоритъ.

Онъ не пользуется симпатіями населенія, и сторонники болгарскаго экзархата выросли при немъ и числомъ и силою, хотя въ личномъ разговорѣ со мною Амвросій отрицалъ это. Я былъ у него, и мнѣ было почему-то безконечно жаль этого человѣка, рисующагося, ломающагося именемъ святыни и во главѣ поклонниковъ святыни... Должно быть, былъ въ свое время не безъ таланта и ужъ, навѣрное, съ

огромнымъ честолюбіемъ, да—провинціальная глушь, фанатизмъ и среда заѣли. И, заѣвъ, превратили въ смѣшную и мало симпатичную фигуру.

Что касается болгарскаго духовенства въ Македоніи, то, по молодости своей іерархіи, оно какъ будто конфузится немножко самого себя и своихъ порядковъ. Въ время пасхальной заутрени я чувствовалъ, что симпатичнѣйшій митрополитъ Григорій — въ полномъ отчаяніи отъ моего присутствія.

— Каково-то, молъ, человѣкъ, выдавшій службы въ Москвѣ и Петербургѣ, долженъ подумать о нашемъ нестроеніи?

И уллучилъ-таки минутку: наклонился ко мнѣ, во всемъ облаченіи, и шепчетъ:

— Вы ужъ насъ извините, не судите строго: развѣ съ такими разбойниками можно устроить что-нибудь порядочное?

«Разбойники», тѣмъ временемъ, орали что-то, дѣйствительно, похожее скорѣе на «сарынь на кичку», чѣмъ на церковное пѣснопѣіе. Предъ тѣмъ, какъ двинуться изъ церкви крестному ходу,—митрополитъ предобродушно на меня прищурился и говорить:

— Вотъ теперь мы и по улицѣ пройдемся,—свѣжаго воздуха возьмемъ!

Вообще, онъ и Амвросій — два полюса. Насколько второй напыщенно-театраленъ, настолько первый демократично-опрощенъ.

— Скажите, ваше высокопреосвященство, — спрашиваю я, — какія у васъ отношенія съ сербами?

— Съ сербами? Извѣстно какія: пакостятъ мнѣ, мошенники.

— А съ греками?

— Еще больше пакостятъ, подлецы!

— А вы имъ?

— А я имъ не пакощу. Не хочу.

— Почему же такъ, ваше высокопреосвященство?

— А потому, что всякая пакость сама въ себѣ отмщеніе находить. И вотъ увидите — сами же они пакостями своими подавятся и захлебнутся.

Очень онъ мнѣ понравился.

— Дайте, — говорю, — ваше высокопреосвященство, мнѣ вашъ портретъ, я пошлю напечатать.

Хлопаетъ рука объ руку и вопіеть:

— Добрые люди! смотрите, что это за человѣкъ: мало того, что въ газетѣ обругаетъ, — еще и «рожу» мою приложить хочетъ: глядите, молъ, вотъ онъ каковъ этотъ самый чудакъ Григорій, котораго я обругалъ...

Григорій Зарировъ,
болгарскій митрополитъ въ Битоліи.